
Егор Филиппов
Жена палача.
Кровь и Ртуть
18+

Егор Филиппов

Жена палача. Кровь и Ртуть

«Автор»
2026

Филиппов Е. И.

Жена палача. Кровь и Ртуть / Е. И. Филиппов — «Автор», 2026

Он — Командир Инквизиции. Человек, который подавил мятеж на Севере и казнил моего отца.Я — последняя наследница поверженного рода. Чтобы спасти младшую сестру из императорской тюрьмы, мне пришлось выйти за него замуж.Сразу после свадьбы нас отправляют на Север. В стране появился опасный яд, от которого маги Инквизиции закипают заживо. У нас есть время только до зимы, чтобы найти того, кто его создает — иначе моих близких в столице казнят.Чтобы выжить в чужих интригах и спасти семью, нам с мужем придется действовать сообща, даже если мы оба мечтаем перегрызть друг другу глотки.

© Филиппов Е. И., 2026
© Автор, 2026

Егор Филиппов
Жена палача. Кровь и Ртуть

Глава 1. Венец из черного серебра

Шнуровка корсета врезалась в ребра с такой беспощадной силой, словно две служанки в серых чепцах получили приказ не одеть невесту, а выдавить из нее остатки воздуха еще до первого удара колокола. Лиора уперлась ладонями в край облупленного дубового стола, удерживая спину безупречно прямой. Если позволить плечам опуститься хоть на дюйм, жесткий китовый ус вопьется в шрамы на лопатках — неровные, бугристые рубцы от осколков северного сланца, оставшиеся с той ночи, когда пал замок Розентайн.

— Туго, миледи? — бесцветно спросила старшая из девиц, перехватывая шелковую ленту костяшками пальцев, побелевшими от усилия.

— Вполне терпимо, — ровно отозвалась Лиора, контролируя вдох, чтобы не выдать сбившееся дыхание. — В столичных мастерских, полагаю, искренне убеждены, что легкое удушье придает невесте особенно благочестивый вид у алтаря. Вы давно служите при дворе? Или вас прислали из крыла Тайной Канцелярии?

Старшая служанка на миг замерла. Ее пальцы, завязывавшие последний узел на поясе, едва заметно дрогнули, а взгляд скользнул к младшей, которая в этот момент поправляла шлейф черного бархата у щиколоток Лиоры.

— Нам не положено обсуждать службу, миледи, — сухо ответила девица, отступая на шаг и опуская глаза в каменный пол. — Приказ был одеть вас к полудню и не задавать лишних вопросов.

— Разумное правило, — мягко согласилась Лиора, разглядывая в мутном бронзовом зеркале застывшие, испуганные лица обеих женщин. — Особенно когда в соборе еще не выветрился запах недавних пожаров. Надо думать, на южной площади вчера снова было неспокойно, раз даже у королевских швей дрожат руки?

Младшая служанка судорожно втянула воздух, но старшая тут же перехватила ее за локоть и потянула к выходу:

— Ваша вуаль на столе, миледи. Его светлость лорд Корвус просил никого не впускать и не выпускать до его прихода.

Обе женщины выскользнули за дверь ризницы с такой поспешностью, словно бежали от зачумленной. Лиора осталась одна в пропитанном гарью и сладковатым ладаном полумраке. Сквозь выбитые стрельчатые окна, затянутые промасленной парусиной, тянуло утренним дымом сожженных кварталов и сыростью старого известняка.

Она медленно выдохнула, разжимая пальцы на столешнице. Подушечки коснулись треснувшего дерева, и привычный, глухой отклик старого дуба отозвался в запястьях едва уловимым сухим покалыванием. Но камень под подошвами бархатных туфель гудел иначе — низко, тягуче, тяжелой вибрацией, уходящей глубоко под фундамент столицы, туда, где в закрытых сводах пульсировала материнская жила Живого Серебра. Лиора мгновенно перекрыла внутренний слух, с силой стиснув зубы. В висках глухо стукнула кровь. Сегодня ни единого импульса, ни малейшего движения дара не должно прорваться наружу. В столице «Резонанс Руды» считали смертельной ересью, за которую сжигают без суда.

Лиора подняла взгляд к тусклому зеркалу. Из глубины стекла смотрела бледная женщина в тяжелом платье из черного бархата с тусклой серебряной вышивкой. Темно-каштановые волосы были стянуты в высокую, жесткую прическу шпильками из черненого серебра, а глаза цвета грозового неба казались слишком резкими на осунувшемся лице. Под ключицами чернела пустота — фамильный медальон отца стража сорвала в первую же ночь плена.

При мысли об отце челюсти сами собой сомкнулись до скрежета. Она видела его в последний раз на залитом ледяным дождем эшафоте Северного тракта. Лорд Эдвард Розентайн стоял на коленях со связанными за спиной руками, но подбородок его был поднят высоко. Над ним

возвышался Рейнхар в глухом черном мундире Инквизиции без знаков различия — лишь золотая вязь Клейм зловеще пульсировала на левой стороне его шеи и скуле. Когда столичный палач замешкался, а толпа северян за оцеплением загудела, готовая ринуться на копья, Командир шагнул вперед сам. Из-под его кожи, прямо сквозь поры правой кисти, выплеснулось жидкое золото, мгновенно вытянувшись в узкий клинок. Удар был молниеносным. Никакой ртутной лихорадки или безумия, о которых шептались на Севере — только холодные янтарные глаза, посмотревшие на нее сквозь дождь за секунду до того, как стража сбила ее с ног.

Пульс в яремной вене Лиоры сбился, ударив о жесткий ворот платья. Она спрятала слегка подрагивающие ладони в складках юбки, следя, чтобы кожа оставалась гладкой, без единого серого сланцевого пятна.

— Ненависть — дурной советчик перед венчанием, леди Лиора. Она не только утомляет ум, но и безнадежно портит осанку.

Дверь ризницы отворилась без скрипа. На пороге стоял лорд Кассиан Корвус в глухом темно-синем камзоле, застегнутом до самого подбородка. Его руки, как всегда, скрывали тонкие перчатки из пепельно-серой лайки, а седые волосы были гладко зачесаны назад, открывая сухие, выточенные резцом аскета черты лица.

— Моя осанка в полном порядке, милорд, — ровно ответила Лиора, не оборачиваясь всем корпусом, лишь слегка повернув голову через плечо. — Боюсь, ее портит исключительно усердие столичных портных. Судя по реакции ваших служанок, в столице нынче принято готовить невест так же, как узников перед допросом в Тайной Канцелярии.

Корвус неспешно прошел к столу. Его мягкие шаги по каменным плитам почти не производили шума, но Лиора кожей спины ощущала его приближение — холодное и выверенное.

— Мои люди умеют держать язык за зубами, в отличие от северных лордов, — спокойно возразил он, останавливаясь в двух шагах и скрещивая затянутые в лайку руки за спиной. — Ваши бывшие вассалы уже прокляли ваше имя, считая вас предательницей, согласившейся лечь в постель к человеку, который обезглавил вашего отца. Столичный же двор видит в вас дочь государственного мятежника, которую следовало отправить на плаху следом за ним. Без имени и защиты Командира Инквизиции вы не проживете в этом городе и трех дней — вас отравят за первым же ужином.

— Какое трогательное великодушие со стороны Короны, — Лиора позволила себе ледяной изгиб губ, встречая его бесстрастный, выцветший взгляд. — Выдать меня за собственного палача, лишить имени и назвать это милосердием. Уверена, придворные хроникеры запишут этот день золотыми буквами. И все же мне любопытно: зачем столичной Инквизиции этот фарс? Если бы вы хотели моей смерти, я бы разделила судьбу отца еще полгода назад.

— Мертвая наследница Розентайн сделала бы из вас мученицу для северных кланов, — без тени раздражения ответил Корвус. — Живая жена Командира Инквизиции — живое доказательство того, что Север склонил голову. Вы умная женщина, Лиора. Именно поэтому вы сейчас стоите здесь в бархате, а не в кандалах. И именно поэтому вы будете держать спину прямо, когда Рейнхар наденет вам кольцо.

— Я исполню свою часть сделки до последней буквы, — тихо, но твердо произнесла она, впервые поворачиваясь к нему лицом. — Выйду к алтарю. Принесу клятву перед Императором. Буду носить фамилию Командира и хранить молчание. Но я не сделаю ни шага из этой комнаты, пока не увижу доказательство, что вы исполняете свою.

Корвус задержал на ней изучающий взгляд на долгую секунду, словно взвешивая ее решимость, затем медленно опустил руку во внутренний карман камзола. На стол лег небольшой сложенный вчетверо листок плотной серой бумаги, запечатанный маленьким оттиском белого воска без герба.

Сердце Лиоры споткнулось, глухо ударив о ребра корсета. Она заставила себя не броситься вперед, хотя кончики пальцев мгновенно онемели от резкого прилива крови.

— Ваша младшая сестра и двенадцать выживших женщин и детей вашего дома переведены в верхний ярус западного каземата, — ровным, деловым тоном сообщил Корвус, отступая на полшага. — Сухие камеры с окнами во внутренний двор, горячая пища дважды в день, лекарь по первому требованию. Пока вы ведете себя как покорная супруга Командира, ни один волос не упадет с головы юной Алины.

Лиора протянула руку, стараясь, чтобы пальцы не выдали дрожи, и взяла листок. Бумага была прохладной и жесткой. Сорвав хрупкий воск ногтем, она развернула послание.

«Дорогая Лиора. У нас тепло. Нам дали шерстяные одеяла и свежий хлеб. Не бойся за нас, мы очень ждем вестей. Твоя Алина».

Всего четыре короткие, рубленые строчки черными чернилами. Лиора вглядывалась в буквы, и под ребрами медленно разворачивалось сосущее, тревожное чувство. Почерк был сухим, ровным, с жестким наклоном вправо. Ни единого плавного завитка, которые десятилетняя Алина всегда выводила на полях тетрадей, ни привычных детских клякс. И ни слова о любимом щенке или старой няне — только сухая, выверенная сводка, словно написанная под диктовку писаря.

— Странно, — негромко произнесла Лиора, не поднимая глаз от бумаги и внимательно следя за тем, как шевельнутся пальцы Корвуса в серых перчатках. — Алина никогда не называла меня просто по имени без привычного северного прозвища. Даже в самых коротких записках.

Корвус не моргнул. Ни один мускул не дрогнул на его бледном лице.

— Десятилетняя девочка провела полгода в каменной башне, зная, что ее отец казнен, а сестра в руках врага, миледи, — ровно ответил Серый Кардинал. — В столичных казематах дети взрослеют за одну ночь и быстро отвыкают от домашних ласк. Радуйтесь, что у нее вообще хватило сил удержать перо.

Лиора сжала край бумаги так, что побелели костяшки. Объяснение звучало логично, но холодный сквозняк сомнения никуда не исчез. Она аккуратно сложила записку вдвое и спрятала за высокий корсаж платья, прямо над сердцем, где жесткий бархат надежно скрывал листок.

— Передайте ей при следующей смене караула, что я скоро добьюсь разрешения на личное свидание, — сказала Лиора, поднимая подбородок и возвращая лицу непроницаемую маску.

— Всему свое время, — уклончиво ответил Корвус. — А теперь поправьте вуаль. Колокола уже ударили в первый раз, и Его Величество не любит ждать.

Снаружи, за тяжелыми дубовыми створками ризницы, глухо загудел главный соборный колокол. От этого низкого, вибрирующего звона мелко задрожали уцелевшие стекла в окнах и глухо отозвался камень под подошвами ее туфель. Лиора накинула на голову черную кружевную вуаль, опуская тонкую сетку на лицо, и шагнула к двери.

Тяжелые дубовые створки ризницы, обитые почерневшими от времени железными полосами, разошлись в стороны с протяжным, натужным скрипом, словно сама каменная громада собора противилась тому, чтобы впустить дочь северного мятежника под свои своды.

Лиора переступила высокий стертый порог, и грохот главного соборного колокола обрушился на нее уже без спасительной преграды толстых стен — густой, вибрирующий бронзовый гул прошел сквозь тонкие подошвы бархатных туфель, поднялся по икрам, ударил под ребра и отозвался мелкой, неприятной дрожью в зубах. Она заставила себя не замедлить шаг ни на долю секунды. Спина оставалась безупречно прямой, словно к позвоночнику привязали кованый стальной прут, а тонкие пальцы, затянутые в черные шелковые перчатки без единой пуговицы или вышивки, свободно лежали вдоль тяжелых, шуршащих складок юбки.

Центральный неф собора Святого Северина походил на перевернутый, обугленный остов гигантского вымершего зверя. Стрельчатые ребра каменных сводов уходили высоко в промозг-

лый полумрак, где под самым куполом клубился сизый, слоистый дым курильниц и гнездились ледяные осенние сквозняки. Во время недавних столичных беспорядков южное крыло храма серьезно пострадало от огня: старинные цветные витражи над боковыми галереями были выбиты камнями и жаром, и теперь сквозь зияющие, зазубренные проемы внутрь падали косые, пыльные столбы бледного утреннего света. Они безжалостно выхватывали из полутьмы закопченные колонны серого известняка, почерневшие от копоти статуи святых с отбитыми пальцами и грубые, сколоченные из нестроганых досок деревянные леса, которыми столичные зодчие наспех подперли треснувший неф. Едкий запах старой гари и мокрой золы здесь смешивался с сыростью нетопленого камня, кислым духом оплывшего воска и тяжелым, металлическим привкусом озона, который всегда висел в воздухе там, где собиралось слишком много магов Инквизиции.

Вдоль широкой центральной дорожки, застеленной выцветшим ковром цвета запекшейся крови, плотными рядами стояли столичные лорды, министры и их супруги.

Лиора шла мимо них размеренным, аристократическим шагом, не поворачивая головы, но сквозь тонкую черную сетку вуали боковым зрением ловила каждое движение и каждый жест. В их выпрямленных спинах и сжатых челюстях не было ни праздничного любопытства, ни обычного придворного снисхождения — только плотная, вязкая, почти осязаемая ненависть, от которой воздух в проходе становился густым, как смола. Мужчины в расшитых серебром и парчой камзолах сжимали эфесы парадных шпаг так крепко, что побелели костяшки пальцев.

Когда она поравнялась с третьим рядом, пожилая графиня в высоком бархатном чепце демонстративно сделала полшага назад и прижала к носу надушенный кружевной платок, негромко, но отчетливо бросив соседке:

— Подумать только, впустят северную волчицу прямо под своды Святого Северина. Надеюсь, пол после обряда вымоют уксусом, иначе от этих камней до весны будет тянуть гарью и изменой.

Лиора даже не сбила дыхания. Она замедлила шаг ровно настолько, чтобы, не поворачивая головы, чуть скосить взгляд на бледное, поджатое лицо графини, и в наступившей между ударами колокола тишине произнесла безупречно ровным, ледяным тоном:

— Не тревожьтесь за чистоту полов, сударыня. Судя по запаху ладана, в этом храме уже давно пытаются отмыть куда более застарелую грязь, чем северная пыль.

Графиня поперхнулась воздухом, ее пальцы судорожно вцепились в веер, а стоявший рядом седоусый барон багрово покраснел и дернул было руку к эфесу шпаги, но тут же замер, поймав тяжелый предупреждающий взгляд гвардейца Инквизиции у колонны. Кто-то в глубине плотной толпы за спинами знати глухо, с ядовитым шипением сплюнул на каменный пол.

Пульс в горле Лиоры стучал тяжело и четко, хотя кожа на затылке горела от сотен устремленных на нее враждебных взглядов. *Смотрите внимательно, господа*, — мысленно произнесла она, удерживая подбородок приподнятым ровно настолько, насколько требовал строгий протокол высших домов Севера. — *Дочь казненного мятежника идет по вашему лучшему ковру с высоко поднятой головой, и ни один из вас не смеет вынуть клинок из ножен, пока за спиной трона стоит Серый Кардинал.*

Внутренний слух, который она так старательно запирала в ризнице, все равно улавливал низкий, тягучий гул древних серых плит под подошвами туфель. В камне под собором Святого Северина было слишком много глубинного железа и еще больше — чужой, чудовищной силы, ворочающейся глубоко под землей, в закрытых сводах столицы, куда не спускались даже старшие столичные алхимики. С каждым шагом ближе к пресвитерию эта подземная вибрация становилась плотнее, словно под плитами нефа билось гигантское раскаленное сердце, отзывающееся легким покалыванием в серебряной вышивке ее платья. Лиора снова стиснула зубы

до глухой ломоты в висках, отсекая от себя этот гул. Сейчас ее единственным оружием была не запретная кровь предков, а безупречная выдержка.

Она подняла взгляд к каменному возвышению у главного алтаря и на долю секунды едва не сбилась с шага, заставив себя тут же выровнять дыхание.

В правой гостевой ложе, затянутой тяжелым темно-зеленым бархатом с тусклым золотым шитьем, сидел Канцлер Валериан.

Младший брат ее казненного отца выглядел почти чужеродным пятном среди угрюмых, закованных в мрачные тона столичных вельмож. Утонченный, аристократически бледный, в безупречно скроенном шелковом дублете глубокого винного оттенка с тонким кружевным воротником, он опирался подбородком на сложенные поверх трости длинные белые пальцы. Набалдашник трости из полированного черного дерева с серебряной инкрустацией тускло поблескивал в неровном свете храмовых факелов, а на цепочке у его жилета едва заметно качался небольшой почерневший медальон. Когда их взгляды встретились через пространство полупустого прохода, тонкие губы Валериана тронула мягкая, почти отеческая улыбка. Он чуть склонил голову набок, поправляя спавшую на лоб прядь пепельно-русых волос, и в его глазах цвета выцветшего зимнего льда мелькнуло теплое, понимающее сочувствие, от которого у Лиоры внезапно свело лопатки.

В последний раз она видела дядю два года назад, еще до того, как старая рана в бедре — последствие дуэли на южных рубежах — окончательно приковала его к трости, и до того, как северные кланы подняли знамена против непосильных поборов Короны. Валериан всегда умел улыбаться так, словно разделял с собеседником тайну, недоступную остальному жестокому миру. Но сейчас, глядя на эту спокойную, бережную улыбку в зале, полном палачей его родного старшего брата, Лиора ощутила странный, колючий холодок, пробежавший вдоль позвоночника. Слишком умиротворенным и собранным выглядел человек, чью семью полгода назад пустили под нож, а племянницу вели на заклание к алтарю.

Она медленно отвела взгляд от ложи, переводя его к императорскому трону, установленному на широких ступенях пресвитерия.

Сам Император утопал в груде тяжелых собольих мехов и шелковых подушек, сгорбленный, съежившийся, словно высохшая, умирающая птица. Его желтые, обтянутые пергаментной кожей старческие пальцы мелко и непрерывно подрагивали на резных подлокотниках, а мутный, слезящийся взгляд блуждал где-то поверх голов собравшихся, не задерживаясь ни на одном лице. Но стоило перевести глаза на полшага влево, в глубокую, холодную тень за высокой спинкой трона, как картина обретала жесткую, беспощадную четкость. Там, скрестив затянутые в пепельно-серую лайку руки на груди, неподвижно стоял лорд Кассиан Корвус. Серый Кардинал успел вернуться из ризницы потайным ходом незамеченным и теперь наблюдал за свадебным шествием с тем же бесстрастным, холодным вниманием, с каким опытный алхимик следит за медленным закипанием кислоты в стеклянной реторте. Ни один мускул не дрогнул на его сухом, аскетичном лице, когда Лиора поравнялась с первыми рядами знати, лишь едва заметный кивок острого подбородка напомнил ей о сложенном сером листке, спрятанном под черным бархатом у самого сердца.

Лиора отвернулась от трона, не позволив себе задержать взгляд на Корвусе ни на мгновение дольше положенного этикетом, и ее глаза скользнули вдоль левой боковой галереи, где у основания закопченных колонн толпились придворные слуги, виночерпии и лакеи, ожидающие сигнала к началу обряда.

Один из них не опускал глаз в каменный пол, как строжайше полагалось дворцовой челяди в присутствии Его Величества.

Невысокий, жилистый, худощавый юноша в скромной темно-серой ливрее прислонился плечом к шершавому камню колонны, небрежно удерживая в руках тяжелый серебряный поднос с двумя высокими ритуальными кубками. Когда Лиора посмотрела в его сторону сквозь

кружево вуали, он не отвел взгляда и не склонил голову — напротив, чуть приподнял темную бровь, и на его скуластом, подвижном лице мелькнула быстрая, почти наглая усмешка, тут же сменившаяся безупречной маской услужливого, сонного равнодушия. Даже на расстоянии десяти шагов в неровном, дрожащем свете факелов Лиора успела разглядеть его глаза: левый был светло-карим, почти золотистым, как янтарная смола, а правый — холодным, водянисто-серым, цвета осенней слякоти.

Разноцветные глаза. Лакей смотрел на нее не с тупой ненавистью столичной черни и не с праздным любопытством, а с острым, цепким расчетом опытного игрока, который оценивает вес кошелька на поясе зазевавшегося купца.

Лиора сделала еще три размеренных шага к нижним ступеням алтаря, не меняя холодного, отстраненного выражения лица, хотя пальцы под черной шелковой перчаткой непроизвольно сжались в тугой кулак. В этом проклятом, пропахшем гарью соборе слишком многие смотрели на нее так, словно уже мысленно поделили между собой все, что от нее останется к закату.

И в этот миг тяжелые боковые двери у самого пресвитерия с глухим стуком распахнулись, и в наступившей после последнего удара колокола мертвой тишине по каменным плитам разнесся размеренный, тяжелый шаг кованых солдатских сапог.

Звук тяжелых шагов прокатился по каменному полу пресвитерия, отсекая глухой шепот столичных лордов так резко, словно кто-то опустил железную решетку.

Из бокового придела вышел Рейнхар.

Лиора не позволила себе отступить ни на полдюйма, хотя воздух в пространстве между ними мгновенно стал тяжелее и суше, пропитавшись горьким металлическим привкусом озона и жженого серебра. Он был выше, чем запомнилось ей в тот дождливый день на эшафоте — широкий в плечах, затянутый в глухой черный мундир Командира Инквизиции без единой золотой галунной нити. Лишь на груди темнел тисненый знак ордена, а высокий жесткий воротник обхватывал горло, но не мог скрыть главное.

По левой стороне его шеи и выше, захватывая край острой скулы, под смуглой кожей медленно пульсировала сложная, ветвистая вязь. Клейма светились холодным, зловещим золотом, и с каждым ударом его сердца это сияние вспыхивало ярче, отбрасывая тусклые блики на темные, чуть растрепанные у висков волосы. Черты лица были резкими, словно вырубленными из гранита без попытки сгладить углы: прямой нос, плотно сжатые губы, глубокая складка между бровями. Но страшнее всего были глаза. Лихорадочный, почти хищный янтарь, в котором плавали тонкие золотые нити — след Живого Серебра, разъедающего нервы изнутри.

Он остановился в двух шагах от нее у подножия алтаря. От его черного сукна пахло морозным ветром, дымом, оружейным маслом и тем самым сухим, лихорадочным жаром, от которого у Лиоры мгновенно пересохло в горле.

— Вы опоздали, Командир, — негромко произнесла она так, чтобы голос не долетел до первых рядов знати, но отчетливо прозвучал в тишине пресвитерия. — Я уж было решила, что столичные алхимики не успели остудить вас к началу обряда.

Рейнхар медленно повернул голову. Его янтарный взгляд скользнул по черной кружевной вуали, задерживаясь на линии ее подбородка, и на мгновение золотая сетка на его скуле вспыхнула гуще.

— Учитывая, что невеста едва не задохнулась в ризнице, пытаясь набить корсаж чужими письмами, мы квиты, леди Розентайн, — ответил он низким, чуть хрипловатым голосом, в котором не было ни капли придворного елейного тона. — Стойте прямо. Старик не любит повторять клятву дважды.

Лиора едва заметно приподняла бровь под кружевом вуали. Значит, у Корвуса есть глаза даже в закрытой ризнице, или сам Командир успел перекинуться словом с Серым Кардиналом до выхода.

— Вы удивительно осведомлены о дамских туалетах для человека, который привык работать исключительно топором, милорд, — ровно парировала она, не опуская взгляда. — Должно быть, служба в Тайной Канцелярии расширяет кругозор.

— Я не служу Канцелярии, — сухо отрезал Рейнхар, и в его голосе прозвучала глухая, сдержанная сталь. — И я не пользуюсь топором, миледи. Вам ли этого не знать.

Пульс в горле Лиоры болезненно дернулся, но она не отвела глаз от лихорадочного янтаря, застывшего напротив. Напоминание о клинке жидкого золота, оборвавшем жизнь ее отца на Северном тракте, резануло по нервам хуже пощечины.

У алтаря уже ждал Верховный Инквизитор Элиас.

Даже в тяжелом церемониальном облачении цвета запекшейся крови старый ветеран выглядел не священником, а уставшим полководцем, накинувшим рясу поверх кольчуги. Широкая черная повязка пересекала его изуродованное шрамом лицо, закрывая пустую левую глазницу, а левая рука, обтянутая грубой черной кожей до самого локтя, висела вдоль тела мертвой, неподвижной плетью. Единственный уцелевший глаз Элиаса — выцветший, отстраненный, как зимнее небо над пустошью, — скользнул по Лиоре без тени интереса, словно перед ним стояла не живая женщина, а очередной трофейный стяг, который требовалось прибить к стене собора.

— Собор Святого Северина видал и более громкие беседы у алтаря, но ни одна из них не меняла сути обряда, — произнес Элиас ровным, сухим голосом, в котором не было ни гнева, ни участия. — Оставьте светские колкости для дворцовых приемных. Здесь совершается государственная необходимость.

Лиора медленно повернула к нему голову. Черная кружевная вуаль едва заметно колыхнулась от ее спокойного, размеренного вдоха.

— Благодарю за разъяснение, ваше преосвященство, — так же безупречно вежливо и прохладно отозвалась она. — Должна признать, в моих краях клятвы привыкли приносить под целыми сводами, а не среди обгорелых подпорок. Мне потребовалось мгновение, чтобы привыкнуть к столичным представлениям о величии.

В первом ряду знати кто-то тихо фыркнул, но Элиас даже не моргнул. Лишь на долю секунды его взгляд задержался на черной кружевной сетке ее вуали, оценивая выдержку, а затем снова стал пустым и непроницаемым.

— Камни в этих стенах помнят семь императоров, леди Розентайн, — бесстрастно заметил он. — Они переживут и наше поколение, и ваши обиды. Не тратьте воздух на оценки архитектуры.

— Разумеется, — тихо ответила Лиора, возвращая взгляд к алтарю. — Я здесь не ради камней.

— Как и все мы, — сухо отрезал Элиас, не удостоив ее дальнейшим вниманием, и перевел взгляд на Рейнхара. — Командир. Время на исходе. Его Величеству вреден сырой сквозняк.

— Начинай, Элиас, — коротко бросил Рейнхар. Он не повысил голоса, но в этом сдержанном тоне прозвучала привычка человека, не терпящего затянутых приказов.

Верховный Инквизитор слегка кивнул и с глухим, неторопливым стуком положил здоровую правую ладонь на край каменного престола. Он даже не стал раскрывать ритуальный требник, произнося формулу так отстраненно, словно зачитывал опись казенного имущества перед отправкой на склад.

— Кровь Севера и сталь Короны, — ровно произнес старый инквизитор, и его голос без всякого пафоса разнесся по закопченному нефу. — Перед лицом Его Величества и закона Империи. Этот союз заключается не ради утешения, а во имя порядка и прекращения распри. Готова ли ты, Лиора из рода Розентайн, оставить в прошлом вражду своего дома и принять имя и покровительство Командира Инквизиции?

В зале повисла мертвая, звенящая тишина. Лиора кожей спины чувствовала десятки устремленных на нее взглядов: мягкую, выжидающую улыбку дяди Валериана в ложе, холодный прищур Корвуса в тени императорского трона, жадное любопытство столичных лордов, ожидающих, не дрогнет ли ее голос.

Она вспомнила тонкий серый листок под бархатом у самого сердца. Вспомнила десять лет своей младшей сестры и сырые стены западного каземата.

— Готова, — произнесла Лиора чисто и ровно, глядя прямо в единственный глаз Элиаса, не моргнув и не опустив подбородка. — Если Корона умеет держать слово так же твердо, как требует покорности.

Элиас не стал спорить и не повел бровью, лишь чуть заметно качнул головой, принимая ответ как простую формальность, и повернулся к Рейнхару:

— Готов ли ты, Рейнхар, Командир Инквизиции, принять эту женщину под свой кров и надзор, отвечая за её верность престолу собственной кровью?

— Готов, — коротко ответил Рейнхар. Ни единой заминки, ни тени сомнения в голосе — только холодная, отточенная решимость солдата.

— В таком случае скрепите договор кольцом, — бесцветно произнес Верховный Инквизитор, кивая младшему служителю с подносом. — Металл не знает ни сострадания, ни памяти. Пусть он станет единственным свидетелем вашего согласия.

На темном бархате подноса лежало обручальное кольцо — тяжелый обруч черненого серебра без камней, покрытый мелкой резьбой, напоминающей переплетенные цепи.

Рейнхар взял кольцо пальцами, затянутыми в плотные, жесткие кожаные перчатки. Он повернулся к Лиоре всем корпусом, и в ту же секунду она ощутила, как изменилось пространство вокруг него. Жар, исходивший от его тела, стал плотным, почти осязаемым, словно она шагнула вплотную к открытой кузнечной печи. Золотые Клейма на его шее задрожали, пульсируя быстрее — не от волнения, а от чудовищного напряжения, с которым он удерживал металл в своих венах под кожей в присутствии сотен враждебных глаз.

Лиора медленно подняла левую руку, стягивая тонкую черную шелковую перчатку с пальцев.

Когда пальцы Рейнхара сомкнулись вокруг ее обнаженной ладони, по коже Лиоры прошел обжигающий импульс. Даже сквозь два слоя толстой выделанной кожи перчаток ладонь Командира пылала так, словно внутри нее текла не кровь, а расплавленная руда. Пульс в его запястье колотился с пугающей, нечеловеческой частотой — вдвое быстрее, чем у любого живого человека.

Лиора не отдернула руку, хотя внутренний дар «Резонанса Руды» мгновенно отозвался на близость Живого Серебра. В глубине ее костей, в самом центре ладони вспыхнул знакомый ледяной укол: металл в венах Рейнхара гудел, как натянутая до предела струна, голодный, яростный и отравленный. Она стиснула зубы, насильно гася собственную вибрацию, чтобы кожа не покрылась серой сланцевой коркой прямо на глазах у Элиаса.

Рейнхар задержал ее ладонь на долю секунды дольше, чем требовал обряд. Его большой палец в кожаной перчатке жестко, почти собственнически провел по костяшкам ее пальцев, прежде чем он надел обруч черненого серебра ей на безымянный палец.

Холодный металл кольца мгновенно раскалился от жара его рук, обжигая кожу Лиоры, словно раскаленное клеймо.

— Завершите обряд вином, — отстраненно произнес Элиас, отступая на шаг к алтарю и складывая руки перед собой. — На этом моя служба окончена.

Из бокового прохода, бесшумно ступая по каменным плитам, вышел тот самый худощавый лакей с разноцветными глазами, неся перед собой серебряный поднос с двумя высокими кубками темного стекла.

Лакей в темно-серой ливрее остановился у подножия алтаря, чуть склонив голову в заученном придворном поклоне, но Лиора успела поймать короткий, почти неуловимый взмах его темных ресниц. Светло-карий и водянисто-серый глаза на долю секунды скользнули не на Рейнхара и не на Императора, а вверх и влево — в сторону узкой каменной галереи над боковым приделом, где у основания закопченной колонны застыли трое в плащах столичной стражи.

И тут же пальцы лакея, удерживавшие серебряный поднос, едва заметно напряглись, а уголок рта дернулся в короткой, сухой усмешке, обращенной не к невесте, а куда-то в пустоту над ее плечом.

Лиора взяла с подноса свой кубок. Темное граненое стекло было обжигающе холодным, а густое, почти черное вино внутри пахло пряной гвоздикой, тертым мускатом и кислым дымом храмовых курильниц. Рейнхар принял второй кубок правой рукой, все еще затянутой в плотную черную перчатку, не отводя от нее настороженного, лихорадочного взгляда. Его пальцы сжимали ножку стекла с такой силой, словно это была рукоять боевого клинка, а не хрупкая ритуальная чаша, готовая треснуть от его собственного ртутного жара.

— За мир, который не продержится и до весны, миледи, — тихо бросил он так, чтобы слова не долетели до ступеней трона, но отчетливо прозвучали в пространстве между ними.

— За клятвы, которые в этой столице стоят дешевле храмового ладана, Командир, — ровно отозвалась Лиора, поднимая кубок к губам и приподнимая край черной кружевной вуали обнаженной левой рукой — та самая шелковая перчатка, которую она сняла ради обручального кольца, все еще оставалась зажатой в ее ладони, тогда как правая рука была по-прежнему затянута в черный шелк.

Она не успела сделать ни единого глотка.

Сверху, с узкой каменной галереи над боковым приделом, раздался резкий, пронзительный свист рассекаемого воздуха, а следом — сухой, хрустальный звон разбитого стекла прямо о серые плиты в трех шагах от алтаря.

Никакого огня. Никакого порохового грохота, к которому привыкли столичные гвардейцы. По старому камню растеклась густая, тяжелая лужа черного металла, отливающего маслянистым, ядовитым багрянцем. Известняк под ней мгновенно зашипел, выпуская в воздух едкие сизые клубы дыма с удушливым запахом пережженной серы, кислой руды и паленой плоти. Камень плавился, словно воск под раскаленным клеймом, пузырясь и проедая в полу глубокие, дымящиеся черные оспины.

Первыми отреагировали четверо инквизиторов из личного караула у ступеней пресвитерия.

Они не успели даже выхватить клинки. Старший из них, рослый, широкоплечий мужчина с серебряными нашивками капитана на плечах, вдруг выронил меч, схватился за горло обеими руками и рухнул на колени с таким влажным, булькающим хрипом, словно ему в глотку влили расплавленный свинец. Золотая вязь Клейм на его шее вспыхнула ослепительно, нестерпимо ярко — так, что кожа под ней мгновенно пошла багровыми волдырями. Из-под его пальцев, прямо сквозь поры, с шипением брызнуло раскаленное Живое Серебро, прожигая сукно черного мундира и обжигая каменные плиты.

— Отвести Его Величество! — рявкнул Элиас, одним резким движением срывая с пояса тяжелый клинок здоровой правой рукой. — Оцепить собор! Никого не выпускать из нефа!

В зале поднялся оглушительный, животный вой. Столичные лорды и их супруги бросились к центральным дверям, сбивая друг друга с ног и давя упавших в узком проходе между скамьями. Лакей с разноцветными глазами, еще мгновение назад стоявший у подножия ступеней, нырнул под каменный выступ кафедры и исчез в тенях бокового придела быстрее, чем стража успела обернуться.

Двое других инквизиторов у алтаря выгнулись в нечеловеческой судороге — их собственный металл в венах взбесился, вошел в смертельный, неуправляемый резонанс с ядовитыми испарениями на полу. Один из них с безумным, клокочущим ревом полоснул ртутной плетью по ближайшей колонне, высекая сноп слепящих искр и обрушивая на бегущих вельмож куски горячего известняка, а второй занес окровавленную, дымящуюся ладонь над собственным горлом, пытаясь вырвать закипающую под кожей плоть.

Сверху, с галереи, метнулась темная тень. Неизвестный в глухом сером плаще без знаков различия перегнулся через каменный парапет, вскидывая руку с еще одним запечатанным стеклянным флаконом — и с коротким замахом швырнул его прямо в голову Рейнхара.

Рейнхар среагировал с пугающей, нечеловеческой скоростью. Золотые нити в его янтарных глазах вспыхнули слепящим огнем, а правая рука в черной перчатке взметнулась вверх, выпуская сквозь кожу и разорванную ткань узкий щит жидкого золота. Но как только смертоносный флакон лопнул в воздухе в шаге от его лица, распавшись облаком черных, шипящих брызг, Живое Серебро самого Командира глухо, утробно взревело.

Лиора увидела, как Рейнхар сбился с дыхания, словно получил удар кузнечным молотом в грудь. Его челюсти свело так, что на скулах заходили желваки, а золотые Клейма на шее и скуле налились густым, зловещим багрянцем. Черная ртуть тянулась к нему в воздухе тяжелыми, хищными каплями, притягиваясь к его металлу, готовая коснуться кожи и запустить цепную реакцию, которая за три удара сердца сожжет его изнутри, как только что сожгла капитана у ступеней.

Если он сгорит сейчас, здесь, на ступенях собора Святого Северина, сделка рассыплется в пепел. Корвус не станет сохранять жизнь заложникам ради мертвого зятя. Алина и двенадцать женщин ее рода погибнут в западных казематах еще до заката.

Рассудок не успел взвесить последствия — сработал чистый, вбитый в кости инстинкт выживания.

Лиора отбросила тяжелый стеклянный кубок, зубами сдернула с правой руки тонкую шелковую перчатку и шагнула вперед, заслоняя собой Рейнхара от летящего облака черных брызг. Она распахнула внутренний слух на полную мощь, впуская в себя чудовищный, яростный гул отравленного металла.

Черная ртуть кричала в воздухе. В ней билась знакомая, тяжелая, низкая вибрация глубинной породы из северных шахт, изуродованная чужой алхимией, раскаленная до белого каления. Лиора вцепилась в эту вибрацию мыслью, вскинула обнаженную правую ладонь и сжала пальцы в воздухе так, словно хватала за горло взбесившегося зверя, ударяя по ней ледяным импульсом «Резонанса Руды».

Замри.

Воздух между ней и Рейнхаром зазвенел, как натянутая до разрыва струна. Смертоносные черные капли, зависшие в полудюйме от ее ладони и опаленной щеки Командира, внезапно потеряли маслянистый блеск, утратили текучесть и с сухим, стеклянным стуком осыпались на каменные плиты тусклыми, мертвыми серыми крупинками.

В ту же секунду расплата обрушилась на нее с такой силой, что у Лиоры перехватило дыхание и потемнело в глазах.

От кончиков пальцев правой руки вверх по запястью рванул беспощадный, вымораживающий кости холод. Суставы свело мертвой, железной судорогой — пальцы скрючились, не в силах разжаться. Бледная кожа от кисти до самого локтя мгновенно побелела, натянулась и на глазах покрылась плотной, шершавой коркой серого сланца, глухо хрустнувшей при малейшем движении. Боль была такой острой, словно в вены вместо крови залили толченый лед с острой каменной крошкой.

Лиора прикусила нижнюю губу до металлического привкуса крови, чтобы не закричать, и прижала изуродованную, онемевшую правую руку к складкам тяжелого черного бархата, пыта-

ясь скрыть серый камень от чужих глаз. Но в зале, где уже стихал грохот сбегающих лордов и лязг закрываемых дверей, в мертвой тишине у алтаря этот сухой каменный хруст прозвучал громче выстрела.

Рейнхар стоял в полушаге от нее, тяжело, прерывисто дыша, сжимая раскаленную, дымящуюся правую руку. Его янтарные глаза медленно опустились с ее побледневшего лица на правое предплечье, выбивающееся из-под черного бархатного рукава, и сузились до узких, хищных щелей.

Тяжелая, удушливая тишина у алтаря продержалась не дольше трех ударов сердца, но за эти три удара Лиора успела увидеть слишком многое.

Первым шагнул вперед Элиас. Старый инквизитор не опустил клинок, и его единственный ледяной глаз намертво впился в скрюченные пальцы ее правой руки, обтянутые серой, растрескавшейся коркой сланца, а затем медленно перевел взгляд на мертвые серые крупинки, рассыпанные по каменным плитам у ног Рейнхара.

— Древняя кровь Севера, — глухо произнес Верховный Инквизитор, и в его сухом, прокуренном голосе впервые прорезалось не просто привычное безразличие, а тяжелая, настороженная сталь. — Резонанс камня и руды. Вы привели в столицу и поставили к алтарю то, что Корона выжигала каленым железом триста лет назад, лорд Корвус. По уставу Ордена эта женщина должна быть обезглавлена до заката.

— По уставу Ордена вы должны охранять престол, ваше преосвященство, а не разбрасываться единственным средством, способным спасти ваших людей от верной смерти, — ровно и холодно отозвался Серый Кардинал, выступая из глубокой тени за спиной трона.

Даже сейчас, когда у подножия ступеней все еще корчились в предсмертной судороге двое обезумевших гвардейцев, а воздух под сводами был пропитан едким, разъедающим горло серным смрадом, Корвус не сбил ровного дыхания. Его затянутые в пепельно-серую лайку руки спокойно покоились за спиной, и лишь в выцветших глазах мелькнул острый, хищный блеск удовлетворения — словно опытный охотник, долгие месяцы ставивший капкан в лесной чаще, наконец услышал сухой щелчок захлопнувшихся дуг.

— Этот «инструмент» только что остановил отраву, против которой бессильно наше Живое Серебро, — продолжил Корвус, не удостоив Лиору даже коротким взглядом, обращаясь исключительно к возвышению, где в груде тяжелых мехов судорожно, со свистом закашлялся старый Император. — Нападавший с верхней галереи бросился вниз и разбил голову о каменные плиты при попытке уйти от стражи, но металл в его флаконе пахнет глубинной северной породой. Мятежники нашли способ сжигать наших магов изнутри. Если мы казним девчонку сейчас, к весне у Короны не останется ни одного живого инквизитора.

— Врешь, змей, — глухо прохрипел Элиас, не отводя взгляда от сланцевой корки на руке Лиоры. — Ты знал о ее крови еще до того, как притащил ее в столицу. И брак этот затеял не ради мира на Севере.

— Я служу выживанию Империи, Элиас, — без тени раздражения парировал Корвус. — А вы служите приказам Его Величества.

Император с трудом приподнял сгорбленную, обтянутую соболями спину. Его мутные, слезящиеся глаза остановились на Рейнхаре, который все еще стоял в полушаге перед Лиорой, закрывая ее широкими плечами от взглядов уцелевших гвардейцев и сжимая дымящуюся, опаленную правую кисть.

— До зимнего солнцестояния, — просипел старик, сжимая трясущимися, желтыми пальцами резные подлокотники трона. Голос его сорвался на влажный, булькающий хрип, но в словах прозвучала привычная, беспощадная воля тирана. — Выступаете на Север немедленно, Командир. Сегодня же, без заезда во дворец. Возьмете с собой девчонку. Мне безразлично, какую древнюю ересь она прячет под рукавом — если к самой длинной ночи вы не положите к

моим ногам голову алхимика, который сварил эту дрянь, весь выводок Розентайн в западных казематах пойдет на плаху. На рассвете. Без суда и погребения.

Лиора ощутила, как ледяной холод из правой руки перекинулся прямо под ребра, сжимая легкие железным обручем. До зимнего солнцестояния оставалось меньше двух месяцев. Два месяца, чтобы пересечь разоренные войной земли, найти подпольных мятежников среди тех, кто считает ее предательницей рода, и при этом не дать собственному телу превратиться в неподвижное каменное изваяние.

— Слушаюсь, Ваше Величество, — четко ответил Рейнхар, склоняя голову ровно настолько, насколько требовал воинский устав.

Он не посмотрел ни на торжествующего Корвуса, ни на мрачного, сжавшего челюсти Элиаса. Его левая рука в плотной кожаной перчатке сомкнулась вокруг здорового левого локтя Лиоры — того самого, что не был тронут сланцем, — и с такой силой рванула ее за собой к боковому выходу из пресвитерия, что тяжелый бархатный подол едва не запутался у нее в ногах.

— Я способна идти сама, Командир, — тихо и ровно бросила она, когда они миновали тяжелые дубовые двери, выходя в узкий, продуваемый ледяным ветром внутренний двор собора, где у крыльца уже фыркали запряженные в тяжелый экипаж вороные кони, а два десятка конных инквизиторов в черных плащах затягивали подпруги. — Ваши пальцы оставляют синяки куда эффективнее столичных кандалов.

— Закрой рот и садись в карету, — глухо отрезал Рейнхар, распахивая обитую черным железом дверцу и буквально вталкивая ее внутрь. — Еще одно слово на виду у караула, и я свяжу тебе руки ремнем до самой северной заставы.

— Какое изысканное свадебное путешествие, — сухо успела обронить Лиора, прежде чем он шагнул следом, с оглушительным грохотом захлопнул тяжелую створку, отсекая крики гвардейцев и конский топот, и рывком задернул плотные кожаные шторы на узких смотровых щелях.

Снаружи щелкнул замок, застучали подковы, карета тяжело качнулась на жестких рессорах и покатилась по неровной брусчатке столичной площади.

Внутри царил густой полумрак, пахнущий старой выделанной кожей, оружейной смазкой и тем самым удушливым, сухим жаром, который исходил от Рейнхара, словно от раскаленной кузнечной печи.

Лиора забилась в самый угол сиденья, прижимая онемевшую, скрюченную правую руку к груди и натягивая на нее складку порванного бархатного рукава. Суставы ломило так, словно в них вбили ржавые гвозди; серая сланцевая корка уже начала потихоньку трескаться от сухого тепла закрытого экипажа, вызывая нестерпимую, режущую боль при каждом толчке колес на выбоинах мостовой.

Рейнхар не сел напротив. Он опустился на сиденье рядом, вплотную, прижимая ее к обитой войлоком стенке, и навис над ней, перекрывая собой тусклый серый свет, пробивавшийся сквозь щели кожаных штор. Золотые Клейма на его шее и скуле все еще пылали тревожным, лихорадочным огнем, отбрасывая багровые блики на жесткую, бескровную линию сжатых губ.

— Покажи, — выдохнул он.

— Не понимаю, о чем вы, милорд, — ровно ответила Лиора, откидывая голову на спинку сиденья и глядя на него сквозь разорванную в суматохе черную кружевную вуаль, следя за тем, чтобы голос не выдал ни единой ноты боли. — Если вас тревожит сохранность моего подвенечного наряда, уверяю, портные столицы пришьют новый рукав. Впрочем, судя по приказу Его Величества, наряды нам в ближайшие два месяца не понадобятся.

Рейнхар не стал спорить и тратить время на придворную игру. Одним резким, отточенным движением он перехватил ее правое запястье левой рукой — осторожно, не сдавливая хрупкую каменную корку, но так крепко, что вырваться было невозможно — а правой рванул

прочь черную кружевную вуаль с ее лица, отбрасывая ткань на пол кареты. Затем его пальцы вцепились в тугую шнуровку бархатного рукава, без церемоний разрывая шелковые нити до самого локтя.

Лиора резко втянула воздух сквозь стиснутые зубы, когда край жесткой ткани задел треснувший сланец.

В полумраке экипажа ее предплечье выглядело жутко: бледная, почти мертвая кожа от кончиков пальцев до локтя была покрыта неровным серым панцирем, похожим на остывшую вулканическую лаву или выветренный северный камень. По тонким, острым трещинам уже проступали крошечные темные капли сукровицы.

Рейнхар замер. Его лихорадочные янтарные глаза впились в изуродованную руку, и Лиора кожей ощутила, как меняется жар, исходящий от его тела — из слепой, боевой ярости он превращался в холодный, тяжелый расчет человека, который только что понял, какую именно бомбу держит в собственных руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.